

КОЛЮЧИЕ ДЕЛА

РОЗИ И АДАМА

МЕГАН БАННЕН

Дела любовные и похоронные. Душевное ромэнтэзи

Меган Баннен

Колючие дела Розы и Адама

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Баннен М.

Колючие дела Розы и Адама / М. Баннен — «Эксмо»,
2025 — (Дела любовные и похоронные. Душевное ромэнтэзи)

ISBN 978-5-04-251994-9

Рози Фокс — бессмертная полубогиня, жизнь которой всегда полна неоправданного риска. Однажды она выбрала путь танрийского маршала, поэтому теперь то и дело испытывает себя на прочность. После очередной смерти от несчастного случая Роза замечает, что в портале, ведущем в Танрию, появились странные темные пятна. И, главное — никто, кроме нее, их не видит! Кто бы мог подумать, что Адам Ли, изобретатель порталов, лично приедет оценить проблему. Холодный, саркастичный, с ужасным чувством юмора, он неожиданно кажется Розе очень привлекательным. Поэтому она даже не особо возражает, когда они оказываются заперты в Танрии из-за неисправности порталов. Адам явно знает о происходящем больше, чем показывает, хотя это волнует Розу в последнюю очередь. Важнее другое: насколько здраво влюбляться в смертного мужчину? Международный бестселлер и хит Буктока! Для поклонников Ребекки Росс, Дианы Уинн Джонс и Ханны Николь Мерер. Cozy фэнтэзи, в котором совмещены все любимые тропы: противоположности притягиваются, обретенная семья, вынужденная близость, харизматичная героиня. Трендовое оформление от популярных художников ALES, Kani и Pychxta!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-251994-9

© Баннен М., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Меган Баннен

Колючие дела Розы и Адама

Megan Bannen

The Undercutting of Rosie and Adam

Copyright © 2025 by Megan Bannen

This edition published by arrangement with Orbit, Hachette Book Group, Inc.,
New York, New York, USA.

All rights reserved.

© Куралесина И., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
„Эксмо“», 2026

Эта – для Аманды...

** поет* спасибо за дружбу*

Глава первая

По мнению Розы, слово «красный» было не таким резким и ярким, каким его изображали.

Вот, например, красные волосы – они же не буквально красные? Не того чистого цвета на самом конце видимого спектра? Скорее цвета меди или ржавчины. У Розы Фокс были красные волосы, но тоже больше второго типа, и две косы спадали из-под широких плоских полей ее шляпы.

Сухую суровую почву Бушонга тоже обычно называли красной, и эта пыль постоянно покрывала ковбойские сапоги Розы, как мука в пекарне. Но она тоже была не красная. Даже не как паприка. Больше напоминала корицу, хотя, когда она набивалась в рот в ветреные дни, по вкусу было вовсе не так приятно.

А как насчет красных глаз, когда много плачешь или мало спишь? Они по-настоящему такие? Или белки от усталости просто розовели? Эти глаза были не красные в полном смысле слова.

А вот у Розы Фокс глаза были по-настоящему красные, честно. Цвета яблочной кожуры. Цвета герани в жаркий летний день. Радужки вокруг черных зрачков на белом фоне были яркие, как спелый помидор.

Эти глаза блестели, как пара ограненных рубинов, пока она вглядывалась в портал Западной базы – ошеломительно сложную арку, которую построили, чтобы пропускать смертных через Мглу в Танрию и обратно. Только она сломалась. Опять.

– Что бы ты ни собиралась сделать, сдается мне, это плохая идея, Ро-Фо.

Розы воззрилась на напарника и смотрела на него, пока он не пожал плечами, несколько не обеспокоившись.

– Да что может случиться?

– Ты можешь сломать портал, и меня уволят из танрийских маршалов из-за твоих косяков, а потом я умру в бедности и одиночестве.

Слова, вылетающие изо рта Пэнроуза Дакерса, звучали куда тревожнее, чем показывало его поведение. Со скучающим видом он прислонился к арке портала, скрестив руки. Значок «Служба танрийских маршалов ФОК» блестел на форменной рубашке цвета хаки. Розы на миг удивилась его усам: когда Розы и Пэн начали работать вместе, он был так молод, что не вырастил бы и персиковый пушок на верхней губе. Теперь он носил впечатляющий кусок меха под широким красивым носом. Когда это случилось?

Она стряхнула жуткое ощущение, что снова потеряла счет времени, и вернулась к порталу с его шестернями, поршнями и трубками.

– Нельзя сломать то, что уже сломано, – возразила она.

– Не сказал бы, что согласен с этим заявлением.

– Да не ломаю я его. Я его чиню. – Она крепко врезала кулаком по левой части.

Луис, дежурный техник, поморщился.

– Слушай, не надо, а?

– Да расслабься, Луис. Ты же знаешь, у меня есть дар.

– А он знает? – спросил Дакерс. – Кто вообще знает?

Рози пронзила его взглядом, но не сказать, чтобы ее необычные глаза возымели какой-то эффект на напарника. Никогда не имели. Это была одна из причин, почему ей нравился этот пацан.

«Который уже не пацан», – напомнила она себе. В каком-то смысле он теперь был старше ее.

– Просто поверь в меня, Пэнни-Ди, – велела она и ударила кулаком сверху вниз под другим углом. Портал не ожил, как она надеялась. Вместо этого маленькая металлическая защелка около главного переключателя отлетела и зарылась в гравий парковки в трех шагах от них.

– Боже мой... – Луис бросился за ней.

Дакерс цокнул языком:

– Блин, Фокси, ну что я тебе говорил?

– Да ладно. Ты же знаешь, силовой метод работает минимум в половине случаев.

– Ага, а вторая половина приводит нас обоих в кабинет капитана. Можно не надо?

Рози сложила ладони вместе:

– Верь мне.

– Ха! Верить тебе – прямая дорога в Старый ад. А я хочу домой.

– Я тебя не задерживаю.

– Сегодня я за рулем, умняшка. Как ты собираешься попасть в Итернити?

– Еще разочек, и поедем.

– Уф.

Стояла осень, но местность была преимущественно пустынная и без приличной тени, так что Дакерсу пришлось поднять форменную широкополую шляпу и вытереть пот с золотисто-коричневой кожи. Если бы шляпу сняла Розы, она бы обгорела до корочки за две секунды, даже осенью. «Красная как рак» – так это называлось, еще один красный, который на самом деле был розовым. К тому же цвет солнечного ожога все равно не задержался бы, потому что тело Розы вернулось бы к своему призрачному бледному тону на рассвете.

Эта мысль была неприятной, так что вместо этого Розы вернулась к сломанному техническому чуду, таинственным образом встроенному во Мглу, которая накрывала земли Танрии огромным туманным куполом. На каждой из ключевых точек Танрии стояло по порталу, и это был единственный способ, которым люди могли входить в бывшую тюрьму Старых богов и покидать ее.

Вот только Розы и Дакерса направили к порталу Северной базы после конца смены, потому что он сломался.

Рози задумалась, пригласит ли капитан Магуайр изобретателя порталов проверить их. Техники в последнее время так хорошо справлялись со своей работой, что Адаму Ли почти не приходилось посещать Бушонг. Розы не встречала его добрых пять лет, с тех самых пор, как его позвали починить портал Западной базы, когда техники не смогли разобраться сами. Людям Адам Ли обычно казался или скучным, или пугающим. Но она в ту последнюю встречу...

Внимание Розы привлекло любопытное пятнышко в открытом люке.

– Что это? – спросила она Луиса, пока он пристраивал дверцу на петли.

– Ты о чем? – Он не смотрел ни на Розы, ни внутрь механизмов портала. Он был слишком занят, прикручивая дверцу при помощи самой крошечной отвертки под алтарем небес.

Рози присела на корточки рядом, чтобы показать на темное бесформенное пятнышко внутри, прячущееся за парой трубок и пучком проводов.

– Вот это.

– Трубки?

– Нет.

– Провода?

- Нет, вот же.
- Но там... ничего нет?
- Да боже, Луис, ну посмотри, куда я показываю.
- Уф, – снова занял Дакерс. Он отпихнул Розы, чтобы тоже взглянуть.
- Ну? – спросила она его, дав ему попятиться в люк куда дольше необходимого.
- Вижу трубки и провода.
- И эту штуку.
- Нет никакой штуки.
- Темное пятно такое, типа тени, у дальней стенки.
- Не-а. Трубки и провода.

Розы вскинула умоляющий взгляд на техника. Тот покачал головой с виноватым видом.

– Да ну, парни! – Она протиснулась между ними и полезла внутрь портала рукой, чтобы отодвинуть провода и показать им совершенно очевидное пятно.

– Не надо... – начал Луис.

И тут все тело Розы пронзил разряд. Она мучительно застыла, челюсть так сжалась, что кое-где треснули зубы, и несколько волн боли прошли ее тело за пару секунд. Ее скрутило судорогой: напомнило те два раза, когда ее ударила молния. А потом ее отбросило назад, как уродливую тряпичную куклу, которую швырнул через комнату капризный малыш. Она упала на краю гравийной парковки в облаке не красной пыли. Услышала, а что хуже, почувствовала, как хрустнули ребра, а потом все стало черным.

Не черным, а пустым.

Она не услышала, как Луис закончил предложение, ошарашенно договорив «...лезть». Не увидела, как Дакерс бросился к ней, отчаянно ругаясь. Не почувствовала вкус крови во рту. Не ощутила запах собственных подпаленных волос. Не заметила жуткий перелом черепа на затылке. Она могла только существовать, и меньше всего на свете ей нравилось это состояние.

Мать Горестей, она опять умерла.

Она ненавидела умирать, ненавидела тошнотворное ничто в грудной клетке, жуткую тишину, неестественное отсутствие боли. И ничегошеньки не могла с этим поделать, только ждать, когда тяготы бессмертия перемелют ей душу и тело вернется к ней. Что происходило неизбежно.

Каждый раз.

Сперва включалось сердце, потом легкие. Дальше оставалось только гадать. На этот раз следом вернулось осязание. Розы чувствовала тупую боль в затылке и стянутость – наверное, швы, а поверх толстая повязка. Затем включился слух – к сожалению, потому что на Розы обрушился гнев ее начальства.

– Мертвое Море и все боги смерти! Ну что на этот раз? – раздался по лазарету голос капитана Альмы Магуайр.

По крайней мере, Розы предположила, что они в лазарете на базе. Тут она обычно и просыпалась. Ну да, вот он, своеобразный скрип двери, закрывшейся за Магуайр. Смазали бы уже эти петли.

- Привет, капитан, – сказал Дакерс.
- А ну, тихо! Как она?
- Не умерла, – буркнула доктор Левинсон.

– Она еще пожалеет об этом. У меня на стоянке биологически опасная лужа крови и техник, которому потребуется много лет психотерапии, и... дай-ка вспомню... А, ну да. Еще в портале Западной базы обугленная дыра! Что на этот раз случилось?

Слух Розы в полумертвом состоянии был остёр как никогда. Она различала, с каким звуком Дакерс нервно мнет поля шляпы – привычка, которую он подцепил у своего наставника двенадцать лет назад, поступив на службу.

– Ну, портал сломался, – начал он.

– Я в курсе. Луис его ремонтировал.

– Фокс решила помочь.

– Так что полезла в провода под напряжением и убилась, – едко закончила за него доктор Левинсон.

Неодобрительно поджав губы, она взяла Розы за запястье, чтобы проверить пульс. Выходит, и зрение вернулось.

Она заморгала.

– Смотрите-ка, кто тут живой, – изобразила восторг Магуайр.

У Розы не было начальства лучше Альмы Магуайр, но ирония из нее сочилась такая густая – хоть вилкой накалывай. Она сердито взирала на распростертое на кушетке тело Розы, и ее аквамариновые полубожьи глаза сверкали ледяной яростью. Розы завидовала этим глазам, так выделяющимся на темной коже Магуайр. Сине-зеленый и красный – просто оттенки на цветовом круге, но сунь их в глазницы полубога, и один будет смотреться прекрасно, а другой – ужасно.

Плюс поговаривали, что божественная мать Альмы была славной женщиной. Некоторым везет во всем.

– Ты чем думала? – рявкнула Магуайр, отвлекая Розы от невеселых раздумий.

«Сперва делай, вообще не думай, потому что через пятьдесят лет все равно никто не вспомнит», – про себя ответила Розы. Это был ее бессменный девиз. Может, оно и к лучшему, что рот у нее еще не включился.

– Она все талдычила, что там что-то не то внутри портала, – сказал за нее Дакерс.

– А то она разбирается. – Магуайр снова посмотрела на Розы. – Напомни-ка, Фокс, когда это ты получила диплом инженера?

– А мне кажется, она правда что-то увидела, капитан, что-то такое, что мы с Луисом не разглядели. Она все повторяла про какое-то темное... пятно... типа тени... – Дакерс увядал с каждым словом под яростным взглядом Магуайр.

– Ну конечно. Какое-то темное пятно. Разумеется, вполне веская причина влезть руками в сложное и крайне дорогое механическое устройство.

Дакерс снова принялся мять шляпу, но от Розы не отступился, храни его боги.

– Она не сомневалась. Она точно там что-то разглядела.

– К чему ты клонишь? – сдалась Магуайр. Она всегда относилась к Дакерсу мягче, чем к Розы, и не то чтобы та винила ее за это. Дакерс был просто милашка.

Он махнул на Розы шляпой.

– А если это ее дар?

– У Фокс вроде не было дара.

Боги-творцы, что за манера говорить о ней так, будто в комнате лежал труп Розы, а не бессмертный кусок дерьма, которым она родилась.

– Ну, может, она наконец раскрыла его, – сказал Дакерс.

– Дар видеть какие-то тени?

– Дар видеть то, чего не видит больше никто. Ну, как Харт видит души.

Харт Ральстон был наставником Дакерса, а до этого работал с Альмой Магуайр, пока ее не повысили до капитана. Как и Магуайр, и Розы, он был полубогом, но, в отличие от всех прочих, видел души почивших, улетающие к Мертвому Морю.

Дар Магуайр заключался в умении зажигать огонь голыми руками. И опять-таки, она и сама была в миллион раз круче, чем могла стать Розы. Так несправедливо.

– Что бы там ни было, она пыталась показать это Луису. Она пыталась помочь, – сказал верный напарник Розы.

Доктор Левинсон фыркнула на этих словах, чем заслужила выразительный взгляд, прозванный маршалами с ее базы Гневом Магуайр. Доктор изобразила извиняющуюся гримасу и вернулась к бинтованию головы Розы, хотя ее череп наверняка полностью зарастет к утру.

Магуайр вздохнула – протяжно, громко, с искренним раздражением.

– Что ж, я счастлива узнать, что Фокс рвется на помощь, потому что ей будет предоставлена такая возможность.

– Звучит не очень, – сказал Дакерс.

– Напротив, маршал, не сомневаюсь, твоя напарница будет вне себя от радости. Починка этой катастрофы не входит в квалификацию Луиса, поэтому мне пришлось вызвать доктора Ли собственной персоной. – Альма ядовито улыбнулась Розы, которая не имела возможности ответить. – Ты будешь сопровождать его до самого отъезда, маршал Фокс, и, если он поинтересуется, как именно ты ухитрилась раздолбать его портал, ты ответишь на вопросы – на все, все, все вопросы.

С каждым «все» Магуайр нависала и нависала над Розы. Мать Горестей, она умела вогнать в трепет даже маршала.

– Блин, – тихо усмехнулся Дакерс.

– Ты тоже.

– Я? А я что сделал?

– Стал напарником этой динамитной шашки десять лет назад. Сам виноват. Доктор Ли прибудет в начале следующей недели. А ты, – она нависла над Розы, как древняя Богиня Гнева, – отдыхай и разумирай обратно. Когда приедет доктор Ли, будешь паинькой. И не думай, что я не заметила сапоги не по форме. Соберись, Фокс. Тебя это тоже касается, – обернулась она к Дакерсу, и тот заметно съежился. – Держи свою напарницу в узде. Давайте, до горедня.

Магуайр пошла к двери, но остановилась, помрачнела и спросила у Дакерса:

– Завтра будешь на похоронах?

Он вяло кивнул.

– Знаю, этого ждали, но все равно ничего веселого, – сказала Магуайр. – Тогда до завтра. Она покинула лазарет, и дверь знакомо скрипнула, закрываясь за ней.

С уколом вины Розы посмотрела на Дакерса. Она так заиклилась на собственных проблемах, что забыла: у него и свои есть. К сожалению, ни обнять, ни сказать что-нибудь поддерживающее она не могла, оставалось только драматически стонать. Звучало жалко, даже доктор Левинсон посочувствовала ей.

– Принесу тебе аспирин.

Розы все еще стонала, когда доктор Левинсон наконец-то выписала ее из лазарета полчаса спустя, – преимущественно для того, чтобы пресечь поток жалоб, нескончаемо льющийся из рта Пэнроуза Дакерса, который вез ее домой.

– Ты уже третий раз при мне умираешь! – орал он, перекрикивая мощный двигатель своей вишневой спортивной баржи. – Средняя продолжительность жизни – что-то вроде восьмидесяти лет. А у тебя что? Три, четыре года? Курам на смех! Самой не смешно? А я волнуюсь! Мне не нравится, когда ты умираешь! Сколько раз тебе повторять?

Он стучал по рулю, подчеркивая свои слова.

– Я уже не так часто умираю, как раньше, при бродягах.

– Именно! Даже ходячих трупов в Танрии уже нет, так что никаких оправданий тоже нет!

Дакерс был великодушен. За те годы, пока бродяги терроризировали бывшую тюрьму Старых Богов, многочисленные напарники Розы не принимали нежить в качестве оправдания ее склонности гибнуть при исполнении. Она всегда настаивала, что спасала других, подставляясь под удар, но она «сожрала» восемнадцать напарников, прежде чем нашла Дакерса – единственного, кто с ней остался. И конечно, та ярость, с которой он сейчас ее отчитывал, заставляла опасаться, что она слишком часто испытывает его терпение.

– А теперь нам еще нянчиться всю неделю, – сказал он. – Ты его видела вообще, этого Адама Ли? Он скучный, сил нет. Может, он тоже механизм?

– Не так он и ужасен.

– Нет, именно так. Просто кошмар. А теперь из-за тебя нам придется провести с ним кучу времени. Знаешь, кто ты после этого? Дубина.

– Знаю. Ты прав. Я... – Розы оборвала фразу на полуслове. – Кто я?

– Дубина.

– С чего это?

– Да ты просто дуб-дерево. Ну и вообще, ты посмотри на себя, болтаешься туда-сюда и колотишь по чему попало. Ду-би-на.

Розы посмотрела на него с искренним обожанием.

– Боже, я люблю тебя.

– Классное слово, да? – не удержался он от ухмылки.

– Ну, простишь меня?

– Прощу.

– И не бросишь?

– Не-а. От меня не отделаться.

Он потянулся через скамью своей баржи и ободряюще сжал колено Розы, обнажив татуировку в виде закупоренной бутылки на руке. В юности он чуть не лишился души, когда у него лопнул аппендикс. Храмовому послушнику пришлось прикрепить ее к телу чернилами.

– Мы же напарники, Ро-Фо. Я тебя не брошу.

Если бы. Рано или поздно он ее оставит. Оставит, как оставляли все, – на том берегу Мертвого Моря, в Чертогах Неведомого, и даже эта татуировка не сможет удержать душу в этом мире. Но эта проблема коснется будущей Розы. А сейчас она была счастлива и благодарна, что он рядом.

– Во сколько завтра похороны? – спросила она.

Дакерс помрачнел.

– В десять.

– Зедди тоже придет, да?

Зедди Бердсолл был бывшим другом Дакерса. Десять лет назад он уехал с острова Бушонг на работу в шикарном ресторане на Медоре. Домой приезжал редко, ненадолго, так что Дакерсу не составляло труда избегать его – до сих пор.

– Ага, придет, – сказал Дакерс с тем же мрачным смирением, с каким говорят: «Ну что ж, суну-ка я голову в эту петлю».

– Хочешь, пойду с тобой?

Он бросил на нее исполненный надежды взгляд.

– А можно?

– Это меньшее, что я могу сделать после сегодняшнего.

– Но я не хочу тебя стеснять. Обычно я бы умолял Харта и Мёрси составить мне компанию, но сейчас этот номер не пройдет. По понятным причинам.

Они с Хартом остались друзьями после того, как тот ушел из танрийских маршалов, несмотря на то что Харт был женат на сестре Зедди Бердсолла, Мёрси. Благодаря Дакерсу Розы тоже подружилась с Хартом и Мёрси.

– Seriously, не парься, – сказала Розы. – Я пойду.

– Но ты же ненавидишь похороны.

– Все ненавидят похороны.

– Знаю, но... – Он помолчал, подбирая слова. – Ты ненавидишь их по своим особым Розы-причинам.

– Верно, но я люблю тебя сильнее, чем ненавижу похороны, так что я иду. Точка.

– Боги, спасибо тебе.

– Для этого друзья и нужны, Пэнни-Ди. Но давай проясним: ты там случайно не скучал по Зедди?

– Нет, конечно нет.

Она недоверчиво покосилась на него.

– Честно! Это было десять лет назад, да и я сам решил прекратить общение.

– А когда ты в последний раз выбирался куда-нибудь?

– Опять за свое?

– Опять за свое.

– Я хожу на свидания.

– Нечасто.

Дакерс фыркнул.

– Кто бы говорил. По пальцам одной руки могу пересчитать, с кем ты встречалась с тех пор, как мы стали напарниками. И под «встречалась» я имею в виду «сходила разок и решила: не, не то».

– Справедливо, но у меня, в отличие от тебя, впереди целая вечность, чтобы найти единственную настоящую любовь.

– Ой. Грубо.

– Я просто переживаю, что тебе завтра будет неприятно из-за этой встречи. – Она похлопала его по плечу.

– Все будет в порядке. Я же иду на эти похороны с шикарной спутницей, помнишь?

– Я буду самой аппетитной штучкой во всем храме.

Он покачал головой, улыбаясь.

– Боже, как же я тебя обожаю.

– И я тебя обожаю, красавчик.

Несмотря на то что Розы сегодня умерла, а Дакерс готовился к завтрашним похоронам, остаток пути домой они преодолели в прекрасном расположении духа.

Глава вторая

Рози бросила рюкзак на антикварный деревянный стул у двери в свою квартиру над бакалеей Уилнера – сиденье у этого стула было плетеное и порядком потертое – и зажгла в прихожей слабый свет. Матери не нравилось, когда Розы зажигала яркий свет в их квартирке на Седьмой улице в Мортоне, где из окон доносилась вечная какофония улиц: шлепанье ног эквивалентов, грохот экипажей, игра уличных музыкантов и похабные выкрики пьяниц. «Только лампы, дорогая, иначе убьешь всю атмосферу», – говорила дочери Джослин Фокс и игриво дергала ее за медную косичку.

Рози берегла лампы матери как могла, но несколько десятков лет назад пришлось отказаться от них – они совсем не стыковались с современными газовыми трубами. Но в нынешней гостиной лампы были похожи по стилю: одна с расписным фарфоровым основанием, другая – кованая, на оба абажура наброшены шелковые шарфы с цветочным узором. Розы включила обе, и комнату залил мягкий неяркий свет.

Блюдец на алтаре у входной двери высохло, так что Розы подлила туда соленой воды, окунула пальцы и коснулась материнского ключа. Джослин – которая приучила дочь называть себя по имени, а не мамой, мамочкой или матерью – умерла сто двадцать два года назад, годовщина была в прошлом месяце, но Розы все равно скучала по ней. Она задавалась вопросом, притупится ли со временем чувство глубокой потери. И надеялась, что нет.

Отдав мертвым дань уважения, Розы принялась за то, что обычно делала, возвращаясь с работы, и в первую очередь сняла кошмарную униформу танрийских маршалов. Двадцать семь лет им позволяли одеваться на работу, как пожелается. В целях практичности обычно это были простые рубашки и комбинезоны в комплекте с прочными сапогами, но Розы ухитрялась выглядеть вполне прилично. Шляпы, шейные платки и сапоги добавляли стиля практичным нарядам. Но с тех пор, как Ассамблея Федерации островов Кадмус присвоила Танрии статус национального парка, приходилось носить униформу – рубашку цвета хаки с короткими рукавами, пошитую на мужчину, грубые штаны скучного оливкового цвета и позорную плоскую шляпу. Она ненавидела ее.

Не-на-ви-де-ла.

Ее друзья, Лю и Энни Эллис, которые работали в танрийском драконьем заповеднике, носили изумрудно-зеленые поло. Вообще-то Розы не очень любила поло, но зеленый ей хотя бы подходил. К сожалению, зеленые рубашки полагались маршалам из образовательного направления. Розы и Дакерса же определили в службу безопасности парка, а маршалы, работающие в службе безопасности, носили этот кошмар цвета хаки.

Единственным модным утешением, которое она позволяла себе – если не пыталась пройти в Танрию в каких-нибудь не столь позорных сапогах, – был факт, что никто не контролировал ее нижнее белье. А Розы Фокс знала толк в белье, как и ее мать до нее. Она вспоминала Джослин, сидящую боком в старом кресле в их набитой мебелью гостиной и с газетой в руках – ноги свисают с подлокотника, пеньюар в цветочек задирается, показывая кружевной край подъюбника и намек на чулки с подвязками. Во рту дымится сигарета, на бумаге отпечатался кружок сливовой помады. Если на ней фиолетовые атласные босоножки с ремешком – значит, собирается в театр. Если же пушистые туфельки на маленьком каблучке – значит, никуда вечером не пойдет, но, вероятно, ждет гостя.

«Гордись своим нижним бельем, – регулярно повторяла ей Джослин. – Дари своим бутончикам самое лучшее, розочка моя, и тогда ты вся уже не согласишься на меньшее».

До сих пор Розы не была до конца уверена в значении этих слов – особенно если учесть, что сама Джослин, когда дело касалось ее любовников, словно бы мирилась с худшим, – но благодаря материнскому наставлению всегда получала искреннее удовольствие от качественного нижнего белья.

Она стащила отвратительную униформу – по пути отметив кровавое пятно на воротнике – и прошла в спальню, где включила китчевую лампу-русалку, утопающую на прикроватном столике в фарфоровой морской пене, – лампу, которую она любила всей душой. Ненавистную одежду Розы запихнула с глаз долой в корзину для белья и, накинув поверх красивого розового бюстгальтера с кружевными чашечками в виде раковин и трусиков в пару шелковый халат с цветочным узором, набрала ванну. Пока набиралась вода, Розы поставила в гостиной на граммофон пластинку со щемящими балладами о неразделенной любви, чтобы музыка мягко просачивалась в ванную. Она зажгла две свечи, которые держала на бачке унитаза, и убавила газовый светильник до минимума. Создав настроение, она достала из шкафчика бутылку красного вина – дорогого, боги Пустоты, как же Розы нравилось обладать всеми деньгами мира, – и хрустальный бокал. Повесила халат на крючок на двери, сняла белье и аккуратно сложила его в сетчатый мешочек, чтобы позже постирать вручную. Не оставив на себе ничего, кроме родильного ключа на золотой цепочке на шее, она наконец погрузилась в воду и позволила лавандовым солям вытянуть из ее пор пыль Бушонга и вымыть из сердца переживание очередной смерти.

Из гостиной для Розы пел густой альт Бриджит Порсель. Спустя десятилетия после смерти певицы ее голос продолжал жить в этой великолепной записи на пластинке.

Песню о любви вам спеть
О весенней той поре,
О прекрасной той игре?

Она видела выступление Бриджит Порсель в «Мидтаун Фолли» сорок лет назад. Тогда Розы застряла на шоу с фокусами, и даже это оказалось лучше, чем работа в передвижном цирке – мрачная участь, от которой ее спасли танрийские маршалы.

Кто был прав – не разглядеть.
Думал каждый – молодец,
Только песне той конец.

Бриджит Порсель от всей души пела в те времена, когда граммофоны были еще новинкой, поэтому записи слегка трещали, неспособные передать всю глубину таланта, которым она обладала. Людям уже никогда не узнать, как голос Бриджит Порсель звучал на самом деле, и Розы, отмачивая пальцы, думала, что это трагедия.

Мысль о певице, истлевающей в своей погребальной лодке, давила на и без того тяжелое сердце Розы, потягивающей вино – не то чтобы тело вообще позволяло опьянеть, – и потому она заставила себя переключиться на скорое прибытие Адама Ли.

Воспоминание всплыло вновь, как и тогда, когда она заметила странное пятно внутри рамы портала, – словно ведро, вытянутое из темного колодца: единственный миг в прошлом, когда Адам Ли стоял на том же месте рядом с порталом, с бездонной тоской в глазах.

Почему-то мысль о новой встрече с ним наполнила Розы страхом, словно кожа стала слишком тесной, чтобы удержать тело. Пять лет назад она случайно ушла с его платком в кармане – ей пришлось забинтовать ему руку собственным, полотняным, а его шелковый в итоге так и остался у нее до сих пор. Следовало вернуть его, но она боялась показаться странной. Мол, слушай, я тут украла у тебя платок и хранила его все это время. Вот, держи. Я не держала его на алтаре имени Адама Ли и совсем не зажигала в твою честь свечи, ничего такого.

Сторона А пластинки Бриджит Порсель подошла к концу и принялась издавать тот раздражающий глухой, скрежещущий звук, который можно было прекратить лишь одним способом – вылезти из ванны и поднять иглу. Вода все равно уже остыла. Розы вытерлась полотенцем и прошлепала в спальню за простыми, но элегантными слипами из темно-зеленого шелка и пеньюаром с узором из выющихся лоз, листья которого совпадали с трусиками тютелька в тютельку. Она накинула сверху халат, вошла в вышитые тапочки и, избавив граммофонную иглу от страданий, принялась готовить пасту к тому, что осталось от вина.

Пока чеснок пассеровался в сковороде с растопленным маслом, Розы выудила из кухонного шкафчика банку тунца и подняла створку окна над раковиной – несмотря на ужасающий душок, тянущийся от мусорного контейнера лавки и плывущий прямо над краном. Едва она выдвинула ящик с приборами, где держала консервный нож, как раздался требовательный вой худощавого черно-серого полосатого кота.

– Понимаю, я тебе нужна только как источник пищи, – сказала Розы, ставя банку на подоконник и наблюдая, как он принимается за дело.

По крайней мере, у него хватило приличия замурлыкать, как непомерный двигатель спорт-баржи Дакерса, когда она погладила неожиданно мягкую шерсть вдоль его спинки.

– «Корми меня и люби, человек, как полагается», – сказала она от его имени.

Розы едва успела снять сковороду с конфорки, как в дверь постучали. Она подумывала сделать вид, что ее нет дома, но кто бы ни стоял на площадке, наверняка видел горящий свет и, скорее всего, слышал ее выдающийся «кошачий голос». Она подошла к двери и заглянула в глазок – там махал рукой незнакомый мужчина.

Розы, впрочем, знала, кто это.

Она закатила глаза и открыла, и ее отец впорхнул в квартиру под личиной аккуратного, благообразного папаши лет пятидесяти с небольшим – в штанах цвета хаки и темно-синем спортивном пиджаке.

– Привет, малыш! – сказал он, наклоняясь поцеловать ее в щеку, отчего Розы поморщилась.

– Привет, – без особого энтузиазма отозвалась она.

Розы не называла его Плутотом – это было бы странно – и уж точно не называла папой, так что в итоге не называла его никак. Она нахмурилась, пока он осматривал гостиную, представляя, как это выглядит его глазами: комната, захлавленная более чем полутора веками воспоминаний. Пыльные черно-белые фотографии матери в разных сценических костюмах, картины, вазы и скульптуры – в них Розы влюблялась на протяжении многих лет, – кривоватый глиняный горшочек, который она слепила в семь лет, мешанина безделушек, напоминавших о людях, приходивших и уходивших из ее жизни, сувениры из всех мест, где она побывала.

– Знаешь, чего этому месту не хватает? – сказал отец. – Еще хлама. Тут явно мало хлама.

Словно подтверждая это утверждение, он споткнулся о кота, который подошел потереться о его ноги.

Полосатый заворчал, и в его тоне явно говорилось: «Как ты смеешь не поприветствовать меня? Но и не трогай меня, а то я тебя убью. Если только мне не захочется, чтобы ты меня погладил, – тогда гладь. Или я тебя убью».

– Ну здравствуй, э-э... – Отец перевел взгляд с бездомыша на свою дочь. – У него есть имя?

– Пупсик-Бдыщ-Пердюк, – ровно ответила Роза.

– А сокращенно как ты его называешь?

– Пупсик-Бдыщ-Пердюк.

Вообще-то чаще всего она звала кота Пупсик, а иногда – Пук, но ей хотелось заставить самого настоящего бога, свидетеля сотворения мира и рождения человечества, произнести вслух «Пупсик-Бдыщ-Пердюк». Вот она где, настоящая власть.

Плут благожелательно улыбнулся облезлому коту и сказал:

– Здравствуй, Пупсик-Бдыщ-Пердюк.

«Настоящая власть», – самодовольно подумала Роза. Но самодовольство испарилось, когда отец устроился как у себя дома на ее винтажном диване с потертой синей бархатной обивкой. Он прищурился, оценивая безвкусную картину с Вором Терна на стене. Роза обожала историю великого трагического героя, попытавшегося украсть бессмертие из сада Старых Богов и пойманного Богиней Гнева, которая пронзила его Терном вечной жизни. В самой глубине души Роза воображала мир, где ему это удалось – где все жили и жили и не могли умереть, как она сама. На картине Вор Терна, даже в агонии, был красив: струящиеся каштановые волосы, мощное тело, стоическое страдание ради всех смертных – герой героев.

– Я никогда не понимал твоей заикливости на этом типе, – брезгливо сказал отец. – Неудачник. И кстати, вообще не похож. Заморыш мелкий. И растение тут изображено неправильно. Это ж я его создал, мне ли не знать.

«Не поддавайся на провокацию», – сказала себе Роза, хотя скрестила руки на груди, сверля его взглядом.

– Я не видела тебя четыре года. Зачем явился?

– Я слышал, ты сегодня умерла, – сказал он, ковыряясь в наполовину собранном пазле на кофейном столике и в процессе смахнув несколько деталей на ковер.

– Ага.

– Да, вся история с бессмертием – это непросто. Мне ли не знать.

Одна фраза – и отец непринужденно перевел разговор с Розы на себя. Никогда такого не было, и вот опять.

– Я в норме, – заявила Роза.

– Не угостишь меня?

– Нечем.

– А что тогда так вкусно пахнет? – подмигнул он.

Серьезно, неужели на это кто-нибудь ведется? Роза одолело желание побиться головой об стену.

– Это мой ужин, и я хотела бы к нему приступить. Не мог бы ты... уйти? Пожалуйста?

– Как ты ведешь себя со своим дорогим стариком?

– Ну прости, что без красной дорожки, «дорогой старик», но я только что с работы, и я устала. Мне бы хотелось поужинать и лечь спать. Я, может, и бессмертная, но все равно человек, ага?

– Хорошо. Ладно. Понял.

Плут встал, задев столик и скинув на пол еще несколько деталей пазла.

– Спокойной ночи, – сказала Роза, когда он направился к двери.

Он взялся за ручку, и она сдуру поверила, что свободна. Но разумеется, именно в этот момент он возвестил:

– Вообще-то нет, не ладно. Ничего хорошего. Ничего не понял.

Он обернулся к ней, весь трагичный и скорбящий, и Розы пришлось приложить все усилия, чтобы не завывать, запрокинув голову, как Пупсик-Бдыщ-Пердюк.

– Бог Войны виновен в миллионах смертей, а ему все равно поклонялись, – снова начал Плут привычное нытье, текст которого Розы знала наизусть и могла бы повторять хором с отцом, если бы захотела (она не хотела). – А я? Ничего! Я подарил миру юмор. Я подарил миру смех. Я подарил миру немножко сраной радости!

– И еще коварство, – сказала Розы, но Плут уже вскочил на любимого конька, с которого его было не сбить.

– Да из-за меня у людей вообще есть душа. Пожалуйста, не стоит благодарности, конечно. А этот щегол... – Плут махнул рукой на картину с Вором Терна. – Даже начинать не хочу.

– Ну и не начинай, – без особого толка сказала Розы.

– У него и статуи, и картины, и алтари в храмах по всему миру, люди возносят ему хвалы, и за что? Хотел украсть для человечества бессмертие. Тоже мне. И то – не смог. Неудачник. Знаешь, как это называется? Позорище. А я, между прочим, пытаюсь тут организовать людям бессмертие – за здорово живешь, хочу подчеркнуть. И все такие: «Этот бог хотел даровать нам вечную жизнь, ну и мудак!» Где мое святилище, а? Алтарь где? Даже собственная дочь меня ни во что не ставит.

– Я не собираюсь устраивать тебе место поклонения посреди собственной квартиры. Да и где-нибудь еще тоже.

– А как же твой алтарь? Матери ты оказываешь дань уважения.

– Потому что она умерла.

– Ну, я-то не могу.

– Твои проблемы.

Да вот только не совсем. Это как раз была проблема Розы.

– Может, хоть обнимемся? – с надрывом спросил отец.

Розы не хотелось касаться его, бога в теле человека, которого она ни разу не видела до этого и больше никогда не увидит. Но это, похоже, был самый простой способ выпроводить его из квартиры, так что она прикусила язык и обняла его.

Он подрос на несколько дюймов, так что теперь скорее он обнимал ее, чем она его. Розы редко ощущала себя маленькой в чьих-то руках.

– Я переживал за тебя. Вот и все, – тихо прошептал Плут в ее больше уже не горелые волосы, а потом резко отстранился и вышел.

И вот теперь Розы чувствовала себя полной эквимарьей жопой за то, что выставила его.

Пупсик-Бдыщ-Пердюк вернулся на свой насест у кухонного окна и, довольно заворковав, снова набросился на банку тунца. Розы захотелось схватить его и зарыться лицом в пушистое пузико, чтобы его тепло и мягкость окутали ее. Но она по опыту знала: Пупсик скорее умрет, но не дастся в руки, и будь она нормальным человеком, у нее остались бы шрамы на память. Вместо этого она разрыдалась и уважительно погладила этого милого засранца. Со слезами съела остывшие спагетти, со слезами почистила зубы, а потом плакала, пока не устала и ее тело – предательское тело – наконец не отпустило ее в сон.

Глава третья

Когда Дакерс заехал за Розы на следующее утро, шел дождь, но храм Всех богов располагался в нескольких кварталах, так что они решили пройтись пешком, спрятавшись под невероятно огромным желтым зонтом Розы.

- Еще раз спасибо, что пошла со мной. Мне бы нелегко пришлось в одиночку.
- Да мне не трудно.

Это была не совсем правда. На похоронах у Розы просто мурашки бежали. А она была вообще-то не из слишком впечатлительных девиц. Но Пэнроуз Дакерс сносил все ее закидоны последние десять лет, так что, когда она понадобилась ему, выбора не стояло.

К тому же по такому поводу она смогла надеть тонкое бирюзовое платье в фиолетово-голубой цветочек и новые колготки с ровными, как булавки, швами. Туфли были прямоком из коробки, Розы заказала их с Лионы, потому что в обычных магазинах симпатичной обуви ее размера не найти. Это были голубые кожаные босоножки на трехдюймовом каблучке. Розы рассудила, что если творцы возжелали сделать ее великаншей, то три лишних дюйма ничего не испортят.

Добравшись до храма, Розы стряхнула воду с зонта и оставила его в вестибюле вместе с зонтами других прихожан. Они с Дакерсом расписались в гостевой книге на кафедре у двери и рука об руку прошли по центральному проходу. Промозглая серость сочилась сквозь окно Неведомого в куполе храма, поэтому по стенам горели газовые светильники. Розы и Дакерс миновали небольшие ниши младших богов и направились к крупным алтарям богов жизни и смерти. У ниши Мертвого Моря на столике стояла статуэтка Вора Терна, а у ее основания – фрукты в качестве подношения.

На поиски скорбящих не ушло много времени – одетые в голубые и зеленые цвета Мертвого Моря, они собрались у алтаря Дедушки Кости – вполне подходящего места для прощания с похоронщиком. Алтарь сдвинули к дальней стене, под мозаику, изображающую самого бога, чтобы поместить погребальную лодку. Это была прекрасная деревянная парусная яхта, уменьшенная до размеров тела внутри.

Семья выстроилась вдоль борта лодки, тихонько приветствуя друзей и соседей, которые по очереди подходили, чтобы отдать дань уважения. Само собой, Розы знала Мёрси Бердсолл и Харта Ральстона, виделась с сестрой и зятем Мёрси, оставалось лишь предположить, что высокий златовласый гимн мужской красоте в человеческой форме, стоящий слева от Мёрси, был ее братом Зедди.

- Это он? – шепотом спросила она у Дакерса.
 - Ага.
 - Обоссы меня Бабушка Мудрость. Ты вычеркнул из жизни такого человека?
- Дакерс отвернулся, прячась от Зедди.
- Ро-Фо, мы же в храме.
 - И что?
 - Следи за языком. Тут повсюду храмовые бабульки.
 - Они старые. Но не дохлые. Уверена, они думают то же самое.

– Розы! – Он посмотрел на нее таким взглядом, каким могла бы посмотреть мать, если бы Джослин была нормальной родительницей.

– Ладно, мам, но ты, конечно, молодец, распрощаться с таким красавчиком.

– Да, да, я уже понял.

Тут до Розы дошло, что она ведет себя как бесчувственное бревно – и прямо на похоронах.

– Прости. Пойдем принесем соболезнования?

– Наверное, надо.

Дакерс развернулся спиной к Бердсоллам. Розы поняла, что он не хочет встречаться с Зедди на похоронах его отца, и винить его за это было сложно.

– Знаешь, вообще-то вполне можем отсидеться на заднем ряду. Ты расписался в гостевой книге, а значит, они узнают, что ты приходил. Что тебе не все равно.

– Это для слабаков.

– Неправда. Смерть – странная штука. Ты пришел, и это самое главное. Пошли.

Она взяла его под руку и отвела подальше от алтаря.

– Эй! Пэн, Розы!

Со второго с краю ряда им махал Лю Эллис. Он сидел со своей сестрой Энни и отцом Фрэнком. Они потеснили семью Баннекер, чтобы освободить еще два места.

– Спасибо, – сказал Дакерс, когда они с Розы уместились на конце скамьи.

На похороны Роя Бердсолла пришла большая часть Итернити, так что здесь можно было встретить кого угодно, но Розы не удержалась от мысли: это еще одна причина, почему похороны – такое себе мероприятие.

– Как ты, родной? – спросила у Дакерса Твайла Баннекер, глядя на него с материнским теплом.

Они с Фрэнком какое-то время работали с ним, пока не открыли Танрийский драконий заповедник, и частенько приглашали их с Розы на пикники.

– Хорошо, – соврал Дакерс.

– Заходи потом на пиво, – предложил Фрэнк. – Ты тоже, Фокс.

– Спасибо, Эллис, – откликнулась Розы, после чего все погрузились в почтительное молчание.

Дакерс не поднимал голову, как из уважения, так и из желания спрятаться от Зедди. Розы хотелось бы сделать то же самое, но печальная правда состояла в том, что она выделялась в толпе независимо от своих действий. По Танрии ходило множество полубогов, так что в приграничье ее внешность не привлекала особого внимания, но, оказываясь так близко к нормальным людям, она ощущала себя жирафом в кроличьем загоне.

Она загляделась на переливающуюся мозаику с изображением бога, занимающую дальнюю стену ниши. Как и на всех картинах, Дедушка Кость был так стар, что его лицо напоминало череп с выдающимися скулами и черными дырами глубоко запавших глаз. Но было в этом лице и что-то доброе, тень улыбки, спрятавшейся в бороде, и мягкие волны длинных белых волос. Он держал фонарь, призывая усопших. За его спиной у причала ждала лодка, готовая перевезти души через Мертвое Море в Дом Неведомого, где Привратник откроет дверь и поприветствует прибывших.

На алтаре стояло несколько свечей, и пламя танцевало на фитилях. А еще – любимая еда Роя Бердсолла: круассаны, мягкое печенье, трехъярусный торт и красиво выложенная на блюде куриная пикката с зеленой фасолью и полентой. За прошедшие годы Розы была на многих похоронах, но никогда не видела таких щедрых даров. А потом она вспомнила, что Зедди Бердсолл уже почти десять лет готовил в одном из самых модных ресторанов Федерации Островов Кадмус.

В середине алтаря лежал родильный ключ Роя Бердсолла на голубой бархатной подложке и несколько фотографий – вот он улыбается на своей свадьбе, сияет на семейном портрете с женой и детьми, танцует с дочерью Лилиан на ее свадьбе, ласково ерошит кудри маленького Зедди натруженной рукой, строит похоронную лодку вместе с Мёрси в мастерской «Похоронных дел Мёрси» (ранее известной как похоронное бюро «Бердсолл и сын»), читает книжку с картинками двум старшим внукам, сидящим у него на коленях, купает в кухонной раковине двух младших – россыпь счастливых воспоминаний в жизни, в которой их было полно.

Розы стало горько, стоило посмотреть на добрую улыбку, которой Рой Бердсолл встречал всех, кто пришел оплакать его. Никто не оплатит саму Розы. Она была словно вечной подружкой невесты, а не невестой – она хоронила других, но никто не похоронит ее.

Она услышала, как рядом шмыгнул носом Дакерс, и взяла его за руку. Ее глаза наполнились слезами – не по Рою, а по другу, которому было грустно, который любил Роя Бердсолла как отца, по другу, который и сам уплывет по Мертвому Морю в конце жизни и оставит очередную дыру в и без того израненном сердце Розы.

Она всей душой ненавидела похороны.

Когда все лавки набились народом, так что некоторым пришлось стоять в проходах, семья заняла места впереди, и жрица Асебеда начала церемонию.

– От лица семьи Бердсолл я благодарю всех вас за то, что пришли сегодня, – сказала она, почтительно держа Книгу Новых Богов в узловатых руках. – Мёрси сказала мне, что Рой просил не затягивать и не разводить слякоть, чтобы можно было поскорее перейти к картошке с сыром, – его слова, не мои.

По толпе пронеслись тихие смешки, и те, кто хорошо знал покойного, с теплом подумали: «Как похоже на Роя».

– Как всегда, мы начнем с Книги Новых Богов. Это история, которую мы читаем каждый раз, когда вынуждены попрощаться с любимыми и близкими. Меня утешает это повторение. История о Мертвом Море и о том, как появились наши души, напоминает, что все мы вернемся однажды к Неведомому. Все мы вернемся туда, откуда пришли.

«Не все, – подумала Розы. – Не я».

– Дочь Роя Лилиан почитит память своего отца, прочитав сегодня эту историю. Лилиан?

Вторая дочь Роя поднялась со скамьи и с кивком взяла у жрицы книгу. Прошла на возвышение, открыла на заложенном атласной ленточкой месте и начала читать.

«Вот сказ о потере Мертвого Моря и о даре души».

Эту чепуху всегда читали вслух на похоронах, и с каждым повторением устаревший язык сильнее и сильнее бесил Розы. Это была история о боге озера, который восхитился смертным рыбаком и решил удержать его при себе навечно.

«Были времена, когда боги творили богов, но те времена давно минули.

Новые Боги были слишком слабы, чтобы дарить бессмертие, и потому бог озера не сумел продлить жизнь своего избранника».

«Извините, мистер Бердсолл, но меня тошнит от этой истории», – мысленно сказала Розы фотографии Роя на алтаре. И тут в легенде появился ее отец: ну куда без него. Никуда от него не денешься, даже на похоронах.

«Однажды бога озера навестил Плут. Не следовало доверять Старому Богу, но бог озера был наивен, как и его смертный избранник, и не ведал ни предательства, ни коварства.

– Друг мой, я могу помочь тебе, – сказал Плут. – Ты слишком юн и не в силах даровать бессмертие, но я стар и мудр. Я посажу дерево у твоих вод. Это

древо подарит твоему избраннику тень и покой, а однажды оно зацветет. Если смертный сорвет один из цветков, он проживет с тобой тысячу тысяч лет».

Даже тяжеловесным слогом религиозного текста отец Розы выражался как пронырливый торгаш. Очень на него похоже.

А дальше следовал момент, когда смертный дурак сорвал цветок, не представляя, в какой заднице оказался.

«Он сорвал цветок, но под лепестками был скрыт шип, и его острие пустило человеку кровь. Старые Боги еще не принесли миру боль и несчастья, поэтому у рыбака не было слов, чтобы выразить свои чувства. Раньше он не знал ничего подобного. Но бог озера был столь счастлив, что не заметил боли избранника. Он упивался собственной радостью».

Рыбак сперва радовался, но затем, по мере того как на его глазах все, кого он знал и любил, стали умирать один за другим, когда Старые Боги наводнили мир войнами, болезнями и несчастьями, он понял, что «дар» его покровителя – полный отстой. «Кто бы мог подумать?» – сязвил внутренний голос Розы. Она нетерпеливо задергала ногой, а история продолжалась.

«Долгие дни грызли его, как собака грызет кость, дерево искривилось, согнулось и стало уродливым и страшным, не красивее, чем горечь в сердце рыбака.

– Ты даже не спросил меня, хочу ли я прожить тысячу тысяч лет, – кричал он на бога.

– Но ты был счастлив! – отвечал бог.

– А теперь я в отчаянии, – сказал человек».

«В точку, брат», – подумала Розы. Бог даже не дал ему выбора. Что за хватье дерьмо. А дальше история превращалась в просто кошмарную мелодраму.

«Бог не мог вынести страданий дорогого ему человека, поэтому ухватился за тысячу тысяч лет, что жили у него внутри, и тянул, пока долгие-долгие годы не выпустили сердце рыбака и не вырвались наружу.

Рыбак был признателен, но бог рыдал в тоске, зная, что избранный им обречен умереть и оставить его. Он заполнил пространство между землей и Пустотой за Небом своими слезами, целый океан скорби, Мертвое Море, которое разделяет мир живых и земли мертвых.

Неведомый, предвечный, первый и величайший из всех богов сжалился над ними. Он даровал рыбаку частицу себя, частицу, которая будет мирно жить, даже когда тело умрет, чтобы Мертвое Море знал: его любовь к богу никуда не делась даже после разлуки.

Когда земная жизнь рыбака подошла к концу, он обнаружил, что сердце его вновь полно счастья и любви».

«Какое ж говно», – подумала Розы.

Но хотя бы заканчивается.

Рыбак прожил свою жизнь, и Дедушка Кость зажег фонарь, и призвал эту новенькую душу, и построил лодку, чтобы душа смогла уплыть. А затем бог озера, который стал Мертвым Морем, промчал его по волнам смерти, и наконец его избранник прибыл в Дом Неведомого, где его встретил Привратник.

«И так бессмертный мир был отделен от земель смертных Мертвым Морем, и появилась человеческая душа, частица Неведомого, которая пребывает в каждом из нас и мирно живет после того, как мы упокоились.

До сих пор мы не забыли сладкий цветок, который укрывал собой шип, напоминание о том, что хоть вечная жизнь и искушает нас, она ведет к боли и горестям. И вот почему смерть не менее ценна, чем жизнь».

Лириан закрыла книгу и вернулась на место, где ее обнял и прижал к себе муж.

Вновь вышла жрица Асебедо.

– Теперь слово другой дочери Роя, Мёрси.

Розы просто обожала похоронщицу из Итернити. Во-первых, у Мёрси было изумительное чувство стиля. Даже сегодня она выглядела прекрасно в приталенном платье с широкой юбкой и туфлях цвета морской волны в тон. Во-вторых, она была высокой. Дурацкая причина для симпатии, но, когда ты крупная девочка, лавирующая в мире, где заветы Старых Богов насчет женственности стоят в воздухе, как вонь в мужской раздевалке, тебе начинают нравиться женщины той же комплекции. А еще Мёрси была умной и доброй – а такое сочетание встречается нечасто.

Сейчас Розы искренне сочувствовала подруге. На похоронах Джослин она едва выдавила пару слов и совсем расклеилась, а то было маленькое собрание для своих. Она понятия не имела, как выдержать речь по любимому отцу перед лицом толпы, но если кто и мог справиться, то только Мёрси Бердсолл.

Мёрси прокашлялась, поправила очки и начала:

– Удивительно, но смерть – это всегда неожиданно. Даже в эти последние месяцы, когда папа уже сдавал, его уверенное присутствие было в нашей жизни опорой. Не знаю, как быть без отца. Я никогда этого не делала. Но это жизнь, верно? Каждый день ты стараешься, даже если он может оказаться последним. Вот так жил Рой Бердсолл. Когда умерла мама, у нас с Лириан и Зедди остался он. Ему пришлось перебороть потерю, чтобы помочь справиться нам, и я до сих пор не знаю, как он не сломался. Когда тринадцать лет назад у него случился инфаркт, он проявил силу принятия – как доверить другим свою ношу, когда тебе самому нужна помощь? Хотя он так и не отказался от кофе и пончиков, к великому неудовольствию доктора Голдамес.

Улыбка коснулась губ Мёрси, когда по алькову пронесли тихие одобрительные смешки.

– Когда пошли внуки, он посвятил им всего себя. Я так рада, что у Эммы Джейн, Тони, Беа и Лотти был такой дедушка, хоть и недолго. Его уход – это огромная потеря, но в первую очередь это такое счастье, что он был в нашей жизни. Отец научил меня строить лодки, отпевать усопших, заботиться о драгоценном теле, которое оставляет Дедушка Кость, и отправлять жизнь по Мертвому Морю с достоинством и уважением. Как и папа, я всегда гордилась тем, что могу утешить живых заботой о мертвых. И поэтому мне, живой, принесло огромное утешение, что я смогла построить эту лодку для человека, который бесконечно любил меня и сделал такой, какая я есть.

Она надолго замолчала, перебирая листочки с текстом, пока голос не вернулся к ней.

– Как видите, он выбрал уплыть на простой яхте. Можно подумать, что похоронщик, который любил строить баркасы, шхуны и катера, мог бы выбрать в последний путь что-нибудь поинтереснее, но в прошлом году он сказал мне: «Кексик, не хочу ничего такого. Дедушка Кость и так меня разыщет». Не могу выразить, какая честь для меня – сделать отцу ту лодку, которую он хотел. Как знают многие из вас, Рой Бердсолл был горячим фанатом «Гигантских кальмаров Бушонга».

В ответ захлопали, сдавленно фыркнули, и Мёрси усмехнулась сквозь слезы.

– Профессиональное морское поло было для него такой же религией, как и вера в Новых Богов. Вот, пап, ты и сыграл свой последний матч. Истек последний чаккер, прозвенел звонок. Ты провел много хороших ударов из-под шеи и, считай, не промахивался. Ты играл хорошо, очень хорошо, и заслужил повесить свою клюшку и отдохнуть в Доме Неведомого. Тебе пришлось справляться без мамы двадцать пять лет, а потому я уверена, что ты очень рад нако-

нец-то вернуться к ней. Спасибо тебе за чудесную жизнь, которую ты провел с нами. Мы будем скучать по тебе, пока Неведомый не позовет нас домой, к тебе.

Когда Мёрси вернулась на свое место, Розы поняла, что плачет. Она почти не знала Роя Бердсолла, но вот, ревет, как младенец, на его похоронах. А Дакерс плакал еще сильнее. Да уж, похороны – просто отстой. Хотя вот эти были еще очень теплыми и чудесными. Розы сердито промокнула глаза манжетом, оставив на нарядной ткани пятно туши.

И снова вперед вышла жрица.

– Каждый из нас при рождении получает ключ, – сказала она, – как напоминание о том, что нас всегда ждут в Доме Неведомого. Как видите, ключ Роя сегодня здесь, с нами. Много лет Рой почитал жизни своих отца и матери, дедушек и бабушек, прадедушек и прабабушек, своей любимой жены и заботился об их ключах. Сегодня Мёрси, ее муж Харт и их дети, Беа и Лотти, добавляют ключ Роя на свой алтарь и возьмут на себя долг молиться о тех, кто жил до них. Но сейчас семья Роя просит вас выйти вперед и окропить его ключ водой. А затем, разумеется, вы все приглашены на обед в подвале храма, где вас ждут любимые угощения Роя, с теплом приготовленные его сыном Зедди. Спасибо вам за то, что пришли вспомнить жизнь Роя вместе с семьей Бердсолл.

– Да встретит его Привратник, – ответили гости традиционной фразой, которая завершала церемонию.

Скорбящие встали, некоторые пошли в подвал, другие – окропить ключ Роя Бердсолла, а большая часть – принести соболезнования семье.

– Так трогательно, – сказала Твайла, когда Фрэнк достал из кармана пиджака платочек и вручил ей, с любовью покачав головой. – Молчи, – велела она ему и тихонько высморкалась.

– Каждый раз так.

– Зачем мне носить платок, если у меня есть ты?

Он обнял ее за плечи.

– Точно, родная.

– Они такие лапочки, – сказала Дакерсу Розы, кивнув на самую милую пожилую пару в мире.

– Точняк.

– Гляди, там целая толпа вокруг родни. Если хочешь подойти к ключу Роя, мне кажется, сейчас самое время, чтобы не попадаться на глаза сам-знаешь-кому.

– Думаешь?

– Ага, давай, иди.

Розы подтолкнула его к алтарю и пошла по центральному проходу в вестибюль, чтобы подождать Дакерса там, но тут, к удивлению, наткнулась на Харта Ральстона.

– Мне показалось, что я видел тебя, – сказал он, когда Розы обняла его.

– Меня сложно не заметить. Соболезную.

Харт печально кивнул.

– Мне пора возвращаться, но слушай, я хотел с тобой кое-что обсудить. Может, заедешь на этой неделе, например в выходные?

– Конечно, – ответила она, но было в его словах нечто такое, что заставило ее уточнить: – Все в порядке?

– Ничего страшного. – Харт будто хотел что-то добавить, но он всегда был немногословен и, по-видимому, решил, что сказал все, что нужно. – Еще раз спасибо, что пришла. – И невероятно длинные ноги решительно унесли его к жене и семье в нише.

– Мы вниз, вы с нами? – спросил Лю у Розы, когда Эллисы поравнялись с ней.

– Нет, сдастся мне, Дакерсу хочется уйти.

– Жалко. Твайла сделала картошку с сыром, очень вкусно.

Дакерс уже шел к ним, когда Лю вдруг обнял Розы, привстав на цыпочки, и зашептал на ухо:

– Зедди Бердсолла взяли шефом в «Драконье гнездо». Скажи Пэну.

Он выпустил ее и задорно попрощался, а потом сбежал вместе с сестрой на обед в подвал. Дакерс помахал Лю и Энни, ничего не замечая, а Розы одними губами произнесла:

– Вот дерьмо!

Она давно уже подозревала, что напарник жалеет, что прекратил общение с Зедди, а потому не знала, как он воспримет новости о том, что тот окончательно возвращается на Бушонг. Но если Зедди работает в новом ресторане в Танрийском драконьем заповеднике, попадать туда он будет через портал Западной базы, а это делало встречу почти гарантированной. И частой.

Розы понимала, что надо поддержать Дакерса, но она была измотана собственной смертью, беседой с отцом, а потом еще похоронами. Она решила рассказать новости утром в горедень. А сейчас ей хотелось только отправиться домой и предаться жалости к себе.

«Ненавижу похороны», – подумала она в тысячный раз за этот день и в миллионный за всю жизнь. Очередные снова и снова напоминали ей, что она застряла здесь и выхода нет.

Глава четвертая

Вечером мудродня Розы стояла на пороге дома Харта Ральстона на улице Уолнат в Итер-нити. На стук никто не ответил, но она услышала шум за дверью и постучала снова. На этот раз дверь открылась внутрь, а за ней обнаружилась семилетняя Беа Ральстон. Она была высокой для своих лет, с каштановыми кудряшками и в фиолетовых очках на носу.

– Приветик, Беа, – сказала Розы.

Девочка машинально поздоровалась и заорала через плечо:

– Ма-а-ам! Па-а-ап! Тут Розы-и-и!

Через мгновение в дверях появились все шесть футов девять дюймов Харта Ральстона с младшей четырехлетней Лотти на руках, свежeweкупанной и с головой завернутой в полотенце. Свободной рукой Харт погладил Беа по голове.

– Я пришел, пчелка. Беги.

– Хорошо. Пока, Розы!

– Пока!

– Привет, – сказал Харт.

Лотти уложила голову ему на плечо, жуя нижнюю губу. Как и сестра, она могла похвастаться темными кудряшками Мёрси, но черты лица – полностью от Харта. Глаза голубые, как незабудки, того цвета, какими были бы глаза ее отца, не будь он полубогом. А его глаза удивительного светло-серого цвета.

Обычно он отошел бы в сторону, впуская Розы в дом, но на этот раз сказал:

– Пойдем куда-нибудь выпьем?

– Конечно. А Лотти как предпочитает? Джин со льдом или чистый?

– Секунду... Светсолл? – окликнул он через плечо.

Мёрси вышла из кухни с вопросительным взглядом, вытирая кастрюлю.

– Мы с Розы пойдем выпьем, ты не против?

– Конечно. – Мёрси отложила кастрюлю и подошла забрать Лотти, которая пускала пузыри через щель между передними зубами.

– Привет, Мёрси. Соболезную насчет отца.

– Спасибо, – ответила та, устраивая Лотти на пышной груди.

Харт склонился к ней, чтобы поцеловать в щеку.

– Я ненадолго.

– Отдыхай, Любимстон.

Их глаза встретились на миг, и они будто сказали друг другу все важное, ласковое и хорошее без единого слова.

Рози укололо одиночеством. «Почему он? – спросил какой-то уродливый внутренний тролль. – Почему он сможет прожить свою жизнь, а потом умереть и остаться мертвым?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.